

Линь Ханьчжи поднял длинный меч, почти равный ему ростом. Рука взмахнула — клинок опустился без малейшего колебания, отрубив левую руку Линь Яня. Кровь не брызнула: на серебристую металлическую каталку осыпались лишь кроваво-красные кристаллики льда.

Тело давно промёрзло насквозь.

Юэ Юань и Мяо Цзянь побледнели от ужаса и одновременно закричали:

— Что ты делаешь?!

Крикнув, Юэ Юань внезапно вспомнил семейное тайное руководство, которое когда-то подарила ему Нин Сяо. Методы рода Нин были чрезвычайно зловещими: они совершенствовались, очищая плоть и кости родственников и превращая их в магические инструменты. Любимым оружием Нин Сяо была костяная флейта, сделанная из части ноги её матери после её смерти.

Впервые услышав эту историю, Юэ Юань был ошеломлён. Он и представить не мог, что такая солнечная и жизнерадостная Нин Сяо держит в руках кость собственной матери.

Род Нин обладал огромной силой, но кровная линия была крайне редкой, а людей — совсем мало. Нин Сяо была последней главой рода Нин своего поколения. После её смерти среди нового поколения не осталось женщины-наследницы, и ученики школы вместе с дальними боковыми ветвями принялись перетягивать друг у друга и делить наследство семьи Нин.

У Юэ Юаня была должность в Управлении и поддержка семьи Юэ, но одновременно сдерживать два крупных мистических рода он всё равно не мог. Он ещё мог временно удерживать семью Линь для Линь Ханьчжи, но противостоять вдобавок и семье Нин уже не имел возможности.

Пока Юэ Юань вспоминал всё это, маленький Линь Ханьчжи уже волочил за собой меч мяо. Кончик оставлял на полу длинный след, а одна рука за другой отделялась от тел.

Юэ Юань был потрясён и ещё сильнее испуган безумием Линь Ханьчжи. В семье Нин наследование шло по материнской линии, однако даже чрезвычайно сильная мать Нин Сяо в своё время могла одновременно управлять останками лишь двух родственников.

А что собирался сделать Линь Ханьчжи?!

Юэ Юань попытался остановить эту безумную затею, но Линь Ханьчжи лишь посмотрел на него. В персиковых глазах, совершенно таких же, как у Линь Яня, была отчаянная решимость поставить всё на одну карту.

— Мне нужна сила.

— Что это было той ночью? — спросил Юэ Юань.

— Не знаю. Я вообще никого другого не видел. Даже когда они уходили.

Именно потому, что он ничего не знал, Линь Ханьчжи так отчаялся и обезумел, желая любой ценой получить силу, способную выдержать всё это.

Он даже не знал, настоящие ли у него сейчас воспоминания... Если бы можно было выбирать, он хотел бы, чтобы они оказались ложью.

Это была история, о которой он совершенно не мог рассказать другим.

Юэ Юань бессильно отступил на шаг и только смотрел, как Линь Ханьчжи продолжает рубить руки.

По силе сам Юэ Юань находился примерно на одном уровне с Линь Янем и Нин Сяо, а возможно, даже уступал им. Существо, с которым не справились они двое вместе со всей остальной семьёй Линь, Юэ Юань не надеялся победить собственными силами.

Мяо Цзянь стоял рядом, почти ничего не понимая, но тоже не стал останавливать мальчика. Ему оставалось только смотреть, как отчаяние и безумие растекаются по моргу, становятся всё гуще и никак не рассеиваются.

После этого Линь Ханьчжи вернулся в поместье семьи Линь и продолжил жить в уже вычищенном и приведённом в порядок комплексе вилл.

Он безостановочно, днями и ночами, практиковал тайное искусство семьи Нин. В процессе наконец понял, почему среди предков рода Нин прежде не появлялось никого, кто мог бы одновременно управлять останками более чем двух предков.

Лучше всего, конечно, подходили останки самых близких родственников. Но даже близкий человек всё равно оставался чем-то внешним. Чтобы действительно управлять костями так же свободно, как собственной рукой, их требовалось питать и вымачивать собственной плотью и кровью, а затем вплавить в останки часть собственной души — только тогда они по-настоящему становились личным магическим оружием.

Разрывать душу, естественно, было больно. Невообразимо больно. Эта боль могла заставить даже самого нестигаемого человека пожалеть о том, что он вообще родился на свет.

А Линь Ханьчжи предстояло пережить её не один и не два раза.

Больно. Слишком больно. Настолько, что Линь Ханьчжи, одержимый чистотой, уже не замечал

грязи, катался по полу, бился, кусал до крови плоть собственных рук, пытаясь другой болью хотя бы ненадолго заглушить муки души.

Он даже думал о самоубийстве... чтобы разом покончить со всем.

Он трусил, прятался, пытался сбежать.

Он ненавидел врага и презирал самого себя.

В те дни Юэ Юань, уже ставший начальником Управления, целыми днями искал следы убийц семьи Линь, а по вечерам приходил в поместье и снова и снова уговаривал Линь Ханьчжи остановиться.

Когда-то Юэ Юань лишь мельком просмотрел это тайное руководство и не представлял, какой ценой даётся такая сила. Точнее, должен был догадаться: будь цена маленькой, кто-нибудь давно бы уже попробовал. Но перед глазами висела слишком огромная морковка — возможность отомстить за Линь Яня и Нин Сяо, — и она заслонила ему всё остальное.

А в результате он причинил боль Линь Ханьчжи.

— Остановись. Хватит... — бесчисленное количество раз говорил ему Юэ Юань.

Линь Ханьчжи отвечал лишь молчанием. Он сидел в поминальном зале и костяным клинком вырезал новую поминальную табличку.

Каждый раз, полностью очистив и подчинив себе очередной костяной клинок, он вырезал соответствующую табличку и ставил её в поминальном зале.

Он уже перестал выглядеть мальчиком: постепенно вытянулся в бледного мрачного подростка. Юэ Юань содрогался от силы, которой тот теперь обладал, но не знал, насколько сильно Линь Ханьчжи ненавидит себя.

Он ненавидел себя за то, что в минуты отчаяния и боли у него появлялось желание отступить, и считал это предательством родителей и всей семьи.

Ему казалось, что он... полный и безоговорочный мусор.

Самоотвращение разрасталось в душе подростка безумными темпами и цеплялось за жизнь крепче сорняка в пустоши. В четырнадцать лет Линь Ханьчжи вступил в Управление по делам аномальных событий и сам стал проситься на особенно опасные задания.

В те годы он был настолько мрачным, что почти не отличался от злых духов, которых убивал: молчаливый, угрюмый, совсем не похожий на ребёнка Линь Яня и Нин Сяо. Почти каждый, кто видел его, думал именно так.

И Линь Ханьчжи считал это ещё одним предательством своих родителей.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19046/1949116>